

Автор - Ольга Андреева, Ростов-на-Дону (Россия).

ПАРА КРЫЛЬЕВ И ТЫСЯЧА ЛИ

Утки

...отражая, нести молчаливый
невербальный утиный восторг,
осознание прилива, отлива,
томный запад и нежный восток
узнавая, тянуться над морем
на уютных послушных волнах,
по транзитной ликующей флоре
различая места, времена
года, века, сличать очертанья
берегов с джи-пи-эсом в крови,
пренатально и перинатально
чувять древнее эхо любви...

их немыслимый дар –
возвращаться
на знакомые с детства моря.

...вот теперь начинается счастье -
приготовься и сразу ныряй!
Там, наверное, пахнет озоном,
дышат свежестью поры земли.

...Ничего, кроме сердца и зова,
пары крыльев и тысячи ли...

Ева

Всех и дел-то в раю, что расчёсывать длинные пряди
и цветы в них вплетать. У Адама ещё был треножник,
он макал рысью кисть – и стремительно, жадно, не глядя
создавал новый рай – и меня. Он пытался умножить,
повторить... Мы - не знали. Кто прятал нас? Вербы? Оливы?
Просыпались в лугах и под ясеневым водопадом,
не твердили имён и не ведали слова счастливый,
ничего не боялись – в раю не бывает опасно.

Там, где времени нет – пить на травах настоящий воздух...
Я любила рысят, ты любил пятистопный анапест,
лягушачьи ансамбли и тех кенгуру под берёзой.
Мы не знали, что смертны, и даже что живы – не знали.
Быль рекою текла, вряд ли я становилась умнее,
наблюдая, как птицы отчаянно крыльями машут,
огород городить и рассаду сажать не умели –
а в твоём биополе цвели васильки и ромашки.

Но закончилось детство – обоим вручили повестку -
и с тех пор мы во всём виноваты, везде неуместны.
Мы цеплялись за мир, за любую торчащую ветку.
Нас спасёт красота? Ты и правда во всё это веришь?
Все кусались вокруг, мы старались от них отличаться....
Кроме цепкости рук – только блики недолгого счастья.
Корни страха длиннее запутанных стеблей свободы.
Только в воздухе что-то – пронзительно-верно и больно...

* * *

Там, волнуя траву, мягко стелются овцы,

сами – волны, опаловы, пеги, черны,
и невинны... Их суть - из бесчисленных опций -
там, где стелются овцы – нам не до войны.
Где в зените акации отяжелели
знойным маревом, и опоили июнь,
воздух гуще, и овцы плывут еле-еле
по летейским волнам, и неслышно поют,
в серебре встань–травы, в сонмах ласковых духов,
с детским сонным доверьем левкои звенят,
отголоски беды не касаются слуха
и не тронут тринадцатидневных ягнят.

Над равнинной рекой – к водопою – склониться
и протечь вдоль неё чуть повыше – туда,
где не так безнадежно чернеет вода
и ещё пробивается свет сквозь ресницы...

